

О
РОМАНТИЧЕСКОЙ
ПОЭЗИИ.

ОПЫТЪ
ВЪ ТРЕХЪ СТАТЬЯХЪ.

Сочинение Ореста Сомова.

Члена ВЫСОЧАЙШЕ, утвержденного
Вольнаго Общества Любителей Россій-
ской Словесности, и Вольнаго Общества
Любителей Словесности, Наукъ и Худо-
жествъ.

1823
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

В Типографіи Императорскаго Воспи-
тательнаго Дома 1823 года.

С Т А Т Ь Я П I.

Словесность народа есть говорящая картина его нравовъ, обычаевъ и образа жизни. Въ каждомъ Писателѣ, особливо въ Стихотворцѣ, какъ бы невольно пробиваются черты народныя. Такимъ образомъ почти можно угадать сочиненіе Нѣмца, Англичанина или Француза, хотя бы въ переводѣ, хотя бы даже переводчикъ скрылъ имя Автора и утаилъ, съ какого языка переложено сочиненіе. Нѣмецъ почти обыкновенно живетъ вдали отъ большихъ городовъ, часшо въ тихинѣ селѣ; онъ съ молодыхъ ногшей получаетъ наклонность къ уединенію и мечтательности, которыя необходимо влекутъ его къ разсмашириванію Природы

и къ обращенію съ самимъ собою; всѣ сношенія его съ свѣтомъ ограничиваются малымъ, тѣснымъ кругомъ родныхъ и друзей. Онъ сего въ сочиненіяхъ своихъ онъ лучше всего описываетъ прелести Природы, тишину полей, мирную жизнь сельскаго, или изображаетъ собственныя чувства, старающагося передать едва примѣтные опытки разныхъ ощущеній, волновавшихъ его безмятежное сердце. На свѣтъ и людей онъ смотритъ какъ бы сквозь увеличительное стекло; и если они составляютъ предметъ его картинъ, то онъ почти всегда представляетъ ихъ въ исполинскомъ, часто устрашающемъ видѣ. Англичанинъ, ежедневный зритель разнообразныхъ свойствъ нравственныхъ, которыхъ столь рѣзкими чертами отличаютъ другъ отъ друга его единоземцы, — съ особеннымъ искусствомъ списываетъ характеры: онъ вглядывается, такъ сказать, въ душу людей и опшуда выводитъ наружу сердца, показываетъ ихъ на лицѣ, въ движеніяхъ и въ дѣлахъ. Родясь подъ небомъ пасмурнымъ и туманнымъ, онъ впитываетъ съ

воздухомъ унылость и задумчивость: окруженный моремъ и огражденный грозными скалами, онъ хотѣлъ передать другимъ впечатлѣнiя, рожденныя въ душѣ его дикими красотою Природы. Французъ, едва поднявшись на ноги, брешевъ былъ въ шумный свѣтъ; въ сѣй, можно сказать, цвѣтн.й жизни, онъ рано привыкъ таить свои чувства подъ маскою приличiй; всѣ ошлительныя черты нравственныя въ немъ изгладились онъ безпрестаннаго тренiя въ обществѣ. То же видить онъ и въ другихъ своихъ единосемцахъ: рѣдко, рѣдко встрѣчается ему что нибудь необыкновенное въ мiрѣ нравственномъ, и это необыкновенное дѣйствуетъ на его воображенiе такъ, какъ уродливостъ физическая на чувства внѣшнiя: то есть, кажется ему смѣшнымъ. Если есть странности въ Французахъ, то эти странности условныя, терпимыя и почти принятыя въ обществѣ; следовательно едва замѣтныя для Французовъ, которые къ нимъ приглядѣлись, и слишкомъ обыкновенныя для чужеземцевъ, которые видятъ одно и

*

тоже во многихъ лицахъ. Замѣтимъ, что едва ли почти не всѣ писатели Французскіе были жишели Столицы, что прекрасный климатъ, свѣтлое небо и природа обильная своими дарами, чуть ими замѣчающся, по тому ли что они слишкомъ къ нимъ привыкли, или, что имъ приприспально глядѣшь на нихъ нѣкогда. Отъ сего неинное изъ писателей Французскихъ умѣли хорошо изображать Природу, и по большой части говорили о ней такъ равнодушно, какъ мы обыкновенно говоримъ о хорошей и дурной погодѣ. Но въ замѣнъ того Французы мастерски описываютъ общество, или какъ они называютъ, *свѣтъ* (le Monde), ибо разсматривали его со всѣхъ сторонъ; а лица только съ нѣмнѣ хорошими или дурными свойствами, приличіями или странностями, которыя онъ имъ даетъ. Въ ихъ картинахъ много прекрасныхъ группъ, но мало сходныхъ, разительныхъ портретовъ.

Часто я слышалъ сужденія, что въ Россіи не можетъ быть Поэзіи народной; что мы начали писать слишкомъ поздно,

когда уже всѣ удѣлы Парнасса были заняты; что природа нашего Отечества равна и однообразна, не имѣетъ ни тѣхъ блестящихъ прелестей, ни тѣхъ величественныхъ ужасовъ, которыми описывается природа нѣкоторыхъ другихъ странъ, и по тому наша природа не одушевляеть Поэтовъ; что въкъ рыцарства для насъ не существовалъ; что никакіе памятники не пережили у насъ старыхъ былей, что преданій у насъ весьма мало, и тѣ почти не поэтическія, и пр. и пр. . . . Несправедливость сего мнѣнія хотя сама собою опровергается, когда мы посмотримъ вокругъ себя и заглянемъ въ старину Рускую; но есть люди, которые на все требуютъ возраженій и доказательствъ. Въ угодность имъ, я приведу здѣсь нѣкоторыя.

Новость Поэзіи, качества, отличающія ее отъ Силлогизмовъ другихъ племенъ, состоятъ не въ названіяхъ родовъ ея; но въ духѣ языка, въ способѣ выраженія, въ свѣжести мыслей; въ нравахъ, наклонностяхъ и обычаяхъ народа, въ свойствахъ предметовъ окружающихъ и

Болѣ дѣйствующихъ на воображеніе. —
 Докажише мнѣ, что Рускіе не одарены
 живымъ, пламеннымъ воображеніемъ; у-
 вѣрыше меня, что въ нравахъ нашихъ
 нѣтъ никакой ошмѣны опъ другихъ на-
 родовъ; что у насъ нѣтъ, можно сказать,
 своихъ добродѣтелей и пороковъ; что я-
 зыкъ Руской весь вылитъ въ формы чуже-
 земныя, — и тогда я соглашусь, что у
 насъ нѣтъ и не будетъ своей народной
 Поэзіи.

Но какъ же мы смѣшаемъ въ общихъ
 свойствахъ всѣхъ народовъ эту твер-
 достъ духа, презирающую всѣ опасности
 и самую смерть? Это безропотное пови-
 новеніе Власнямъ законнымъ, и непер-
 нѣніе ига чуждаго? Это радушное го-
 сптепріимство Рускихъ, прославленное да-
 же иноплеменниками? . . . Есть кромѣ се-
 го многія, не столь величественныя чер-
 ты отличія въ нашемъ народѣ, есть мно-
 гіе и недоспапки; мы ихъ видимъ; и ес-
 ли не примѣчаемъ пошону, что видимъ
 очень часто; то намъ стоить только
 обратишь вниманіе на сходные поступ-
 ки разныхъ лицъ въ разныхъ сословіяхъ,

сравнить ихъ съ поступками другихъ народовъ въ тѣхъ же случаяхъ, — и тогда мы отдѣльно и ясно увидимъ опшѣнки нравственныя, казавшіеся намъ слишкомъ и какъ бы въ туманѣ.

Но сколько различныхъ народовъ слилось подъ одно названіе Рускихъ, или зависящихъ отъ Россіи, не отдѣляясь ни просянствомъ земель чужихъ, ни морями далекими! Сколько разныхъ обликовъ, нравовъ и обычаевъ представляются испытующему взору въ одномъ объемѣ Россіи совокупной! Не говоря уже о собственно-Рускихъ, здѣсь являющіяся Малороссіяне, съ сладостными ихъ пѣснями и славными воспоминаніями; тамъ воинственные сыны шихаго Дона и отважные переселенцы Сѣчи Запорожской: всѣ они, соединяясь Вѣрою и пламенною любовью къ Отчизнѣ, — носятъ черпы опличія въ нравахъ и наружности. Что же, если мы окинемъ взоромъ края Россіи, обитаемые пылкими Поляками и Липовцами, народами Финскаго и Скандинавскаго произхожденія, обитателями древней Колхиды, цощомками переселенцевъ, видѣвшихъ изъ

гчаніе Овиція, остатками нѣкогда грозныхъ Россіи Татаръ, многоразличными пламенами Сибири и острововъ, кочующими покровніями Монгольцевъ, буйными жителями Кавказа сѣверными Лапонцами и Самоѣдами? . . . Оснавляю самому читателю дѣлать соображенія.

Ни одна страна въ свѣтѣ не была столь богата разнообразными повѣрьями, преданіями и Мифологіями, какъ Россія. Поэтъ можетъ въ ней съ роскошью выбирать то, что ему нравится, и опровергать, что не нравится. Скажутъ, что всѣ сіи повѣрья, преданія и Мифологіи неясны и мало извѣстны. — Можетъ быть: но мы имѣемъ двѣ, довольно ясныя и съ которыми Писатели насъ ознакомили: Мифологію древнихъ Славянъ и Мифологію Скандинавскую: кромѣ сего, сколько въ Россіи племенъ, вѣрующихъ въ Магомета и служащихъ въ области воображенія узломъ, связующимъ насъ съ востокомъ. И такъ Поэты Русскіе, не выходя за предѣлы своей родины, могутъ перелезать отъ суровыхъ и мрачныхъ преданій Сѣвера къ роскош-

нымъ и блестящимъ вымысламъ Воспока; бить образованнаго ума и вкуса Европейцевъ къ грубымъ и неприпворнымъ нравамъ народовъ звѣроловныхъ и кочующихъ; бить фізіономіи людей свѣтскихъ къ облику какого нибудь племени полудикаго, запечатлѣннаго одною общюю чертою опличія.

Упреки, дѣлаемые Природѣ, и того не основательнѣе. Гдѣ же она разнообразнѣе, какъ не въ Россіи? — нѣсколько зонъ опоясываютъ ея пространство, нѣсколько климатовъ являюся въ ней, измѣняя поспешенно видъ земли съ ея произведеніями. Взглянемъ на Сѣверъ — и видимъ вѣчные льды, сѣверныя сіянія; незаходимый день и неразсвѣтающая ночь дѣлятъ тамъ годовыя времена. Ближе къ намъ дикія скалы Финляндіи, великолѣпныя озера, рѣки и водопады. Окинемъ взоромъ холодную Сибирь — тамъ неизчерпаемыя сокровища добываются изъ нѣдръ горныхъ: богатые рудники, груды дорогихъ камней, окаменѣлости и другія чудеса природы, подъ хладнымъ покровомъ снѣговъ тающіеся; заслужили Сибирь

названіе золотаго дна. Обращимся на югъ — тамъ видимъ необозримыя безлѣсныя равнины, покрытыя шучною шравою и усѣянныя безчисленными стадами. Очаровательная Таврида, съ ея патетическими долинами и величественною горною смотрящуюся въ двухъ моряхъ (*), служащая какъ бы оцѣдохновеніемъ для взора, усюмленного однообразнымъ зрѣлищемъ гладкаго, зеленаго ковра и бѣлыхъ стадъ. Далѣе — грозный Кавказъ возносится за облачную сѣнью и оковываетъ взоръ и воображеніе дикими своими ужасами. Сколько воспоминаній историческихъ и баснословныхъ! здѣсь скалы, къ коимъ прикованъ былъ Прометей; тамъ мысъ Пареевъ, грустное убѣжище Ифигеніи, далѣе мѣста, прославленные ссылкой Назона! Какая изъ новыхъ странъ заключаешь въ себѣ столько богатствъ Поэтическихъ? Здѣсь воспоминанія юга и преданія

(*) Въ ясную погоду, съ Чатыр-дага можно видѣть два моря: Черное, надъ коимъ, такъ сказать, гора сія нависла, и Азовское, находящееся отъ нее въ разстояніи болѣе 100 верстъ.

Сѣвера объемяются между собою; Природа и человѣкъ, прошедшее и настоящее говорятъ Поэту: *выбирай и твори!*

Если перейдемъ къ несполь рѣзкимъ отличіямъ міра физическаго и нравственнаго, и тутъ найдемъ еще обильную жатву для Поэзіи. Пѣнопѣвцы наши прославили уже пышную Волгу, съ ея дальнимъ теченіемъ и благословенными берегами. Но сколько мѣстъ и предметовъ, разсыянныхъ по лицу земли Руской, остается еще для современныхъ Пѣвцовъ и будущихъ поколѣній! Цвѣтущіе сады плодотворной Украины, живописные берега Днѣпра, Псла и другихъ рѣкъ Малороссіи, разливиный Донъ, въ который сносятся красуясь виноградники — всѣ сіи мѣста и множество другихъ, ждутъ своихъ Поэтовъ и истребуютъ дани отъ талантовъ опечисленныхъ. Самыя степи безлѣсныя имѣютъ свою Поэзію: тамъ тобаны (*) и шабунчики, не видя во все

(*) Чобанами или Овгарями называются въ южной Россіи пастухи овецъ. Снадоща-

лѣто даже своего селенія, бродятъ съ своими спадачи по долинамъ; опчужденные отъ общества людей, они сдружаются съ безсловесными: рьяный конь и вѣрный песъ ихъ любимцы. Только, чѣмъ не позабытъ голоса человѣческаго, не встрѣчая даже по цѣлымъ днямъ и своихъ товарищей, въ дикихъ и заунывныхъ напѣвахъ прѣдъерживаютъ они слова родимаго языка. Воображеніе не можешь себѣ представить грустнаго впечатлѣнія сихъ пѣсень на проѣзжаго, среди необозримой равнины, изрѣдка опущенной небольшими пригорками, вдали отъ всякаго жилья, гдѣ одни эти звуки пустынного чобана напоминаютъ о близости существа словеснаго!

Лѣтописи наши и великій прудъ славнаго Исторіографа, знакомятъ насъ съ событіями старины Руской, и служатъ громкимъ отвлѣкомъ тѣмъ, которые жалуются на недостатокъ преданій испо-

кого чобана состоитъ иногда изъ нѣсколькихъ тысячъ головъ мѣлкаго рогащаго скота.

рическихъ. Россія до Владиміра и при семъ Князѣ, во времена удѣльныхъ Княжній, подъ игомъ Татаръ, при Іоаннахъ, въ годину между царствія и, при вступленіи на престолъ Димитрія Романовыхъ, заключаешь въ себѣ по крайней мѣрѣ столько-же богатыхъ предметовъ, сколько смущенныя вѣки старобытной Англіи, или Франціи. Предметы сіи совсѣмъ въ другомъ родѣ: тѣмъ лучше! тѣмъ больше въ нихъ новоси и сѣдовашельно прелесны поэтической. Опишиде намъ, по примѣру многихъ Поэтовъ чужеземныхъ, нравы и обычаи людей Рускихъ сѣараго времени, въ разныхъ вѣкахъ — и если картины ваши вѣрны, произшесшій основаны на Исторіи или имѣють видъ правдоподобія, — то уже независимо отъ достоинства снхъ творческаго, творенія ваши будутъ занимать и плѣнять читателей.

Вѣкъ Рыцарства у насъ замѣнялся, вѣкомъ Богатырей, котораго бытность подтверждается сказаніями Исторіи и преданіями изустными, сохранившимися въ сказкахъ. Цѣль Богатырей была та-

же какъ и Рыцарей: защищать невинность и карать злыхъ пришельцевъ, хотя неизвѣстно, чтобъ Богатыри Рускіе составляли особый Орденъ, были подчинены особымъ законамъ и носили гербы. Но это не главное: оно состоитъ въ дѣлѣ и въ исполненіи. Имена многихъ Богатырей сохранились въ нашихъ лѣтописяхъ; въ прочемъ для Поэзіи не всегда необходимы лица историческія: ихъ часто творитъ она воображеніемъ, придавая имъ по своей волѣ черты физическія и нравственныя, добродѣтели или пороки.

Древніе наши города: Новгородъ, Кіевъ, Черниговъ, Владиміръ, Москва и т. п. содержатъ многіе, до нынѣ уцѣлѣвшіе памятники вѣковъ прошедшихъ; о другихъ же, сгладившихся съ лица земли, говорять намъ развалины, или мѣста запустѣлыя. Поищемъ ихъ, дополнимъ осатки воспоминаніями — и перестанемъ завидовать обрушеннымъ замкамъ давнихъ Бароновъ Германскихъ и Тановъ Англійскихъ.

„Все это показываетъ богатство

пособій, возражать мнѣ: но не составляетъ еще Поэзіи народной.“ — Согласенъ; но когда пособія сіи существуютъ, тогда геніи можетъ выбирать изъ нихъ то, что согласно съ его влеченіемъ, собираетъ въ одно разбросанныя черты и создаетъ прекрасное цѣлое. Онъ можетъ болѣе: можетъ въ свойствахъ и звукахъ языка, въ духѣ народномъ, въ воображеніи своихъ единоплеменниковъ найти новое, никѣмъ незамѣченное; дать видъ и осязаемость словамъ и понятіемъ, влить огонь и чувство въ предметы неодушевленные, сообщить занимательность имъ изъ нихъ, кои дошолъ не привлекали нашего вниманія. Кусокъ прекраснаго мрамора лежитъ хладенъ и недвижимъ; но рѣзецъ Ваятеля-генія можетъ вдохнуть въ него жизнь и теплоту.

Но пусть не думаютъ, чтобы я хотѣлъ ограничить Поэзію Рускую воспоминаніями, преданіями и картинами нашего Отечества: это было бы налагать новыя оковы на Генія, а Геній не терпитъ оковъ. Весь міръ видимый и мечтательный, есть собственность Поэта: онъ вез-

дѣ собираетъ цвѣты, вездѣ пѣетъ жизнь
и силу, и въ таинственномъ своемъ вдох-
новеніи, являетъ мысленнымъ взорамъ
свѣтъ незримый и дивный.

Сердце Руское невольно трепещетъ
отъ благоговѣнія и радости, народная
гордость невольно пробуждается при вос-
поминаніи о Пѣвцѣ возвышенномъ, ко-
торый первый извлекъ изъ опечаленна-
го слова тѣ сладостные звуки, ту не-
подражаемую гармонію небесъ, кои насъ
восхищаютъ, очаровываютъ, увлекаютъ.
Державинъ сообщилъ новую силу языку
Рускому, разгадалъ его средства и возмож-
ности, влилъ въ Поэзію мысли высокія и
оплеченныя, облекъ ихъ въ образъ види-
мый и осязательный — и удивилъ на-
роды отдаленнѣйшіе. Его Поэзія неподра-
жательна и неподражаема: онъ самъ и для
себя создалъ новый родъ Стихотворства
Лирическаго, облагородилъ многія слова,
копрыхъ сила и зачистельность ослабле-
ны были употребленіемъ — и посмѣвался
немогущимъ усиліямъ тѣхъ, кои пресмы-
кались вслѣдъ за орлинымъ полетомъ его
Генія. Творенія сего Пѣвца суть говорящія

памятники нашей славы народной; и Руской, съ величавою осанкою самодовольствія, скажешь иноплеченнымъ: „Я соотечественникъ Державина!“

Съ нѣкошораго времени, казалось, мы начали понимать ограниченность правилъ школьныхъ, не развертывающихъ дарованія, но спутывающихъ его зависимошью и тяготящихъ условіями. Поэзія классическая (по понятіямъ Французовъ и ихъ послѣдователей) переспала для насъ быль камнемъ Сизифовымъ, безпреспанно кашимымъ вверхъ и безпреспанно скапывающимъ съ горы въ безмолвную долину посредственности и забвенія. Жуковскій первый отпринулъ сію столь часто неблагодарную работу, и еще чаще вѣрное прибѣжище умовъ и дарованій обыкновенныхъ. Познакомивъ насъ съ Поэзіей сосѣднихъ Германцевъ и отдаленныхъ. Бардовъ Бришаніи, онъ открылъ намъ, новые пущи въ міръ воображенія. Юный Пушкинъ нашель другой слѣдъ въ сей же самый міръ: въ вымыслахъ и мечтахъ его, въ языкѣ и способѣ выраженія, больше разкрывающся чершы народ-

ныя Рускія. Прекрасныя стихотворенія Пушкина то дышаць суровымъ сѣверомъ и завиваются въ сѣдыхъ его туманахъ, то разкаляюцца знойнымъ солнцемъ полуденнымъ и освѣщаюцца яркими его лучами. Поэзія обняла все пространство роднаго края, и въ своенравныхъ играхъ своей Музы, показываетъ его намъ то съ той то съ другой стороны: является намъ на хладныхъ берегахъ Балтійскихъ—и вдругъ попомъ разкидываютъ шапери подъ палящимъ небомъ Кавказа, или рѣзвятся на цвѣтущихъ долинахъ Кіевскихъ.

Новость всегда приманчива и всегда находитъ подражателей: Жуковскій и Пушкинъ имѣютъ ихъ слишкомъ много. Каждое слово, каждое выраженіе, даже мысли и цѣлыя стихи сихъ двухъ Поэтовъ ловятся на перерывъ молодыми Кандидашами Парнасса, копорые прелестными чужими цвѣтками думаютъ скрасить волчцы и шерны запустѣлыхъ цвѣтниковъ своихъ. Еслибъ сіи подражатели захопѣли вникнуть и понять, что Жуковскій и Пушкинъ плѣняютъ и восхищаютъ насъ не одними словами новыми,

но богатствомъ мыслей, живостью и разнообразіемъ картинъ; не условными выраженіями, но особеннымъ искусствомъ, или лучше сказать, *даромъ* — употребляя у мѣста выраженія, ими созданныя; что Жуковскій, перелагая по большой части Поэмовъ Германскихъ, долженъ былъ вѣрно передавать ихъ творенія, не измѣняя ихъ сущности и цѣли, часто неясной и отдаленной. . . . Но нѣтъ! они упрямо хопятъ иппи по проложенной дорогѣ, не думая и не хопя думать, что она не по нихъ. Поэзія требуетъ свободы, требуетъ порывовъ смѣлыхъ, управляемыхъ только вкусомъ вѣрнымъ и строгимъ; а подражатель есть рабъ своего образца. Скажу откровеннѣе: онъ есть дурной слѣпокъ съ сего прекраснаго образца, котораго формы, естественныя и благородныя, упорно прошивились усиліямъ руки неискусной (*).

(*) L'imitation est toujours borgne et boiteuse: borgne, parce qu'elle ne peut apercevoir toutes les qualités de son modèle; boiteuse, parce qu'elle cloche en le suivant.

De Jouy.

Можетъ ли Поэзія сдѣлаться народною, когда въ ней мы опдаемся опъ нравовъ, понятій и образа мыслей нашихъ единосемцевъ? Лучшія строфы Поэмы Тассовой поются въ Италіи гондольщиками; Испанцы и Португальцы всякаго званія вышверживаютъ многіе стихи Кальдерона и Камонса; проспой народъ въ Англіи любитъ Шекспира и восхищается имъ; Спихотворенія Гёте и Бюргера опзываются во всѣхъ концахъ Германіи. Н. Трагедіи Корнеля и Расина почти неизвѣсны въ народъ Французскомъ: только жители Столицы, или люди получившіе образованіе, восхищаются ими. Причина ясна: онъ не въ духъ народа; имена Героевъ ему чужды, опдалены вѣками, а характеры ихъ, будучи основаны на нѣкопрыхъ условныхъ приличіяхъ, выходятъ за сферу понятій человека проспаго, необразованнаго. Самый языкъ ихъ, языкъ двора и высшихъ сословій, едва ли понятенъ для народа. — Можемъ ли и мы думать, чтобы шоскливыя, шмцеобразныя рапсодіи нынѣшнихъ нашихъ шомшельныхъ шружениковъ по

Аполлонъ, понравились и заронились въ память Рускому народу, живому и пылкому, одаренному чувствительностью естественною, непришворною?

Мы возстаемъ противъ Поэзіи классической новыхъ временъ; хотимъ разторгнуть границы, коими она снѣсается воображеніе — и добровольно подчиняемся новымъ условіямъ, налагаемъ на себя новыя узы. Что же можешь быть ограниченіе, однообразіе тѣхъ стиховъ, которыми ежедневно наводняешься Словесность наша? Всѣ роды стихотвореній теперь слились почти въ одинъ Элегическій: вездѣ унылыя мечты, желаніе неизвѣстнаго, упомненіе жизнью, тоска по чемъ-то лучшемъ, — выраженные непонятно и наполненные безъ разбору словами, схваченными у того, или другаго изъ любимыхъ Поэтовъ. Еслибы вздумали составить Лексиконъ сихъ словъ, то вѣрно бы онъ послужилъ съ такоюже пользою нашимъ временнымъ Стихотворцамъ, какъ Лексиконъ рече Французскимъ Поэтамъ на погребъ.

То, что намъ нравилось, что насъ

восхищало въ одномъ Поэзіи, — спавшееся пропорно и наскучиваетъ намъ, вспрѣчаясь слишкомъ часно и у многихъ. Очарованіе новосии исчезло — и холодный разсудокъ, насильственно вступая въ права свои, лукаво замѣчаетъ недосытки тамъ, гдѣ воображеніе на первыхъ порахъ насъ обольстило и увлекло за собою. Новость есть неразлучная подруга воображенія: безъ нее воображеніе шомится и засыпаетъ.

Я почти увѣренъ, что раздражательное самолюбіе или лукавая злоязычность, будучи искать въ сихъ чертахъ сходства и приравненій. Оспрѣчаю имъ напередъ, что они здѣсь напрасно разперяются въ догадкахъ. Я говорилъ вообще: говорилъ о духѣ и свойствахъ большей части новѣйшихъ Спихотвореній, писанныхъ и напечатанныхъ на Рускомъ языкѣ. Отдавая нелесную дань удивленія и благодарности талантамъ истиннымъ, я хотѣлъ только замѣтить, какъ часно ошибаются ихъ подражатели, составляя себѣ ложное понятіе о *Поэзии Романтической*. Въспомнѣ съ симъ, намѣреніе мое

было показать, что народу Рускому, слав-
ному воинскими и гражданскими добродѣ-
телями, грозному силою и великодушному
въ побѣдахъ, населяющему Царство об-
ширнѣйшее въ міръ, богатое природою и
воспоминаніями,—необходимо имѣть свою
народную Поэзію, неподражательную и
независимую отъ преданій чуждыхъ. Герои
Рускіе утвердили славу Отчизны на по-
ляхъ брани, мужи твердаго духа ознаме-
новали ея Лѣтописи доблестями граждан-
скими; пусть же Пѣвцы Рускіе станутъ
на чредѣ великихъ Пѣвцовъ древности и
временъ позднѣйшихъ незаписанными,
новыми красками Поэзіи! Пусть въ ихъ
пѣсняхъ высокихъ освѣчиваются, какъ
въ чистомъ потоцѣ, духъ народа и свой-
ства языка богатаго и великолѣпнаго,
способнаго въ самыхъ звукахъ переда-
вать и громы побѣдные, и бorenіе спи-
хій, и пылкіе порывы страстей необуз-
данныхъ, и молчаливое томленіе любви
безнадежной, и клики радости, и уны-
лыя отзвуки скорби.

